

Бруно Коппитерс

Свободный Брюссельский университет

С распадом Советского Союза кавказский регион прекратился в очаг ряда серьезнейших меж- и внутригосударственных конфликтов. Политические элиты новых независимых государств вполне осознавали тот факт, что их безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга и что они имеют дело с этническими конфликтами, характер которых специфичен для данного региона-^[2]. Рассматриваемый под этим углом зрения, Кавказ представляет собой региональное образование со своими собственными характеристиками. Осознание регионального измерения проблемы безопасности не привело, однако, к созданию единой институциональной структуры для Кавказа, способствующей урегулированию конфликтов и региональному сотрудничеству. Неспособность разработать региональный режим безопасности объяснялась не отсутствием заинтересованности в идее кавказской интеграции. Политические движения в регионе выработали радикальную риторику кавказского единства, но с диаметрально противоположным содержанием. Кавказское единство определялось таким образом, что его можно считать одновременно слишком всеобъемлющим - различные представления о кавказском единстве, как правило, основывались на родственных отношениях, культурной близости или альянсах с нациями или политическими силами, внешними по отношению к региону - и недостаточно объемлющим: различные концепции объединения, как правило, исключают ряд наций и политических сил из своей дефиниции единого Кавказа.

Внерегionalные государства рисуют карту Кавказа исходя из интересов собственной безопасности. Их приоритеты определяются с военной, политической или экономической точки зрения. Такие дефиниции неизменно ведут к включению Кавказа в более обширные региональные рамки, обычно включающие прикаспийские государства и центральноазиатский регион. Это чревато риском недооценки специфического регионального характера конфликтов и взаимозависимости, связывающей различные части Северного и Южного Кавказа. Эти конфликтные отношения и отношения зависимости, образующие региональное образование, следует отличать от характера конфликтов и взаимозависимостей в смежных регионах.

Определения региона в исключительно экономических терминах, - такие как представление о Кавказе как части Шелкового пути, связывающего европейские и азиатские рынки, - акцентируют общие интересы всех кавказских стран, но не учитывают сложность конфликтного процесса региональной интеграции, в которой экономические интересы не всегда преобладают.

Отсутствие институциональных структур, способствующих ассоциативным формам безопасности, приводило к попыткам рассматривать угрозы безопасности сквозь призму политики баланса сил. Все региональные субъекты пытались пересмотреть существующие формы распределения силы путем заключения альянсов с региональными и внерегionalными державами. При таком подходе к проблемам региональной безопасности важное место занимала военная политика. Система, которая складывалась в результате этого, была направлена на создание противовеса доминирующим силам, но не исключала гегемонистские типы господства. Россия пользовалась своим военным превосходством в регионе для создания тесного союза с Арменией и получения уступок от Грузии. Она добилась разделения труда с ООН и ОБСЕ в их попытках урегулирования сепаратистских конфликтов в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Расчеты Грузии на восстановление своей территориальной целостности путем кооперации с Россией, однако, не оправдались.

Россия также не смогла добиться того, чтобы Азербайджан примирился с ее региональной политикой и посреднической деятельностью. Стремление России играть гегемонистскую роль на Кавказе было еще более подорвано нехваткой у нее экономических ресурсов и политической нестабильностью на Северном Кавказе. В своих шагах, направленных на создание противовеса российскому присутствию в регионе, западные государства пользуются своим превосходством в экономических ресурсах и военной технологии. Такие страны как Грузия и Азербайджан представляют свои попытки более тесного сотрудничества с западными странами как средство наращивания своего влияния на внутренние и внешние конфликты, в которые они вовлечены. По их мнению, связывая интересы собственной безопасности с интересами западных государств - например, посредством общей энергетической политики, - они смогут в будущем, добиться предоставления им больших общественных благ, таких как военная поддержка или то, что в дальнейшем покажется необходимым для защиты их территориальной целостности. Такие расчеты несомненно эффективны в том, что касается обеспечения легитимности на внутривнутриполитическом уровне. Западная поддержка Грузии и Азербайджана также повысила их переговорную силу в отношениях с Россией. Но даже с учетом значительно возросшего присутствия западных держав в регионе будет невозможно изменить ситуацию в вопросе сепаратистских и этнических конфликтов в этих странах. Существующий на Кавказе баланс сил создает тупик для всех заинтересованных сторон. Внерегиональные державы, борющиеся за гегемонию в регионе, неспособны предоставить достаточный объем общественных благ для обеспечения безопасности и экономического развития. Отсутствие интеграции, являющееся в значительной мере результатом их собственной политики в регионе, наносит ущерб их долгосрочным экономическим и военным интересам.

Отсутствие прогресса в деле реализации межправительственных соглашений по созданию транспортных артерий и невозможность снять существующие режимы экономической блокады серьезно вредят интересам как государств региона, так и внерегиональных держав. Такая политика может рассматриваться как прямое следствие подчинения экономического курса целям безопасности ^[3]. Примат безопасности в экономических и политических вопросах характеризуется следующими отличительными чертами: при нем, как правило, происходит подчинение интересов негосударственных экономических и политических игроков интересам государства. Во-вторых, примат безопасности в экономических и политических вопросах затрудняет ведение всех видов переговоров. Ведь нелегко прийти к компромиссному решению в ситуации, когда заявляется, что на карту поставлены основополагающие интересы или даже само выживание этнической общины или государства. В-третьих, в каждом конкретном случае примат безопасности ведет к мобилизации экстраординарных ресурсов, при которой экономические расчеты издержек и прибылей подчинены высшим интересам государства, по самой своей природе далеким от экономики. Такой примат оправдывает повышенную степень мобилизации экономических и людских ресурсов в ущерб интересам долгосрочного экономического развития и политической модернизации.

Переговоры об урегулировании сепаратистских конфликтов в регионе упираются в вопрос о том, каким образом вывести этничность из-под действия фактора безопасности. Советская этнофедеративное устройство представляло собой пирамидальную матрешечную структуру, состоявшую из союзных и автономных республик и автономных областей. Считалось, что в рамках всех этих административных единиц реализуется право той или иной "титульной нации" на национальное самоопределение, но при этом подобная структура была асимметричной и в высшей степени иерархичной. Развал Советского Союза в ряде случаев привел к распаду существовавших дотолле властных вертикальных связей между союзными республиками и входившими в их состав политико- административными образованиями.

Селективный подход международного сообщества к вопросу о признании новых государств - в качестве суверенных оно признало исключительно бывшие союзные республики - не встретил понимания в таких автономных республиках, как Чечня и Абхазия. Сепаратистское руководство этих политических образований акцентировало тот факт, что они являлись республиками, что подразумевает наличие государственности. Поскольку понятие государственности неразрывно связано с суверенитетом, они считали, что к ним надо относиться как к суверенным государствам. Кроме того, в качестве суверенных государств они оставляли за собой право самостоятельно решать, должны ли они конституироваться в качестве независимых государств-[4]. Такие автономные области, как Нагорный Карабах или Южная Осетия, также не считали свой прежний статус приемлемым. Руководство НКАО сперва стремилось к воссоединению с Арменией, затем к получению независимого статуса, а после к реализации компромиссной формулы, - как это было предложено в конце 90-х гг. в ходе осуществлявшихся под эгидой СБСЕ переговоров об урегулировании, - статуса суверенного образования, связанного с Азербайджаном нежесткой структурой "общего государства". Южная Осетия, со своей стороны, стремилась к повышению своего статуса до уровня автономной республики и к воссоединению с Северной Осетией - одной из автономных республик в составе РФ.

Подчинение проблемы этничности фактору безопасности, произошедшее благодаря советской форме политической модернизации, сделало неприемлемыми политические решения, шедшие вразрез с привилегированным статусом "титულных наций". Титульные нации бывших союзных республик не готовы пойти на утрату контроля над всей совокупностью территории, которую они считают своей родиной, включая нижестоящие политические образования, такие как бывшие автономные республики или области. Борющиеся за отделение регионы не хотят согласиться с тем, что прежние связи двойного подчинения - советскому руководству и руководству союзной республики - будут заменены новыми формами подчинения государственным институтам, находящимся под контролем другой "титульной нации". Мирное урегулирование, которое основывалось бы на реинтеграции сепаратистских политических единиц на базе традиционных иерархических отношений, существующих в федеративных государствах, не получило бы легитимации со стороны сепаратистских элит. Со своей стороны, Россия, Грузия и Азербайджан не готовы согласиться с политическим устройством конфедеративного типа, так как это закрепило бы за сепаратистскими регионами суверенный статус и обеспечило бы им некоторую степень международного признания в качестве суверенных образований. Ну а это, в свою очередь, возможно, привело бы к полному отделению. Создается впечатление, что относительно этих принципов никакой компромисс невозможен. Существует мало шансов на то, что традиционные федеративные и конфедеративные модели могут быть приняты в качестве основы для переговоров между сторонами, вовлеченными в конфликт. Тупик на переговорах может быть преодолен лишь путем создания такого типа "общего государства", которое одновременно будет обеспечивать принципы территориальной целостности, равноправия различных этнических общин и реализацию отношений неиерархического типа, - как во внутренней, так и во внешней политике, - между субъектами федерации.

Исследуя альтернативы

Ожидание того, что внешняя сила может оказаться способной установить абсолютную гегемонию за счет преобладания ее экономических и военных ресурсов, предоставления общественных благ и получения признания со стороны всех региональных субъектов, может рассматриваться как нереалистичное. Ни один гегемон не сможет в будущем влиять на конфликты в Кавказском регионе в той же степени, как Советский Союз после его вторжения в Грузию в 1921 г. Попытки установить отношения типа гегемонии

могут лишь повлиять на расстановку сил в регионе. Такая ситуация, для которой характерно отсутствие господствующей силы, способной навязать модель сотрудничества в условиях анархии, не обязательно означает невозможность создания кооперативной структуры безопасности. Подобная ситуация существовала в Европе в 70-е гг., когда ни один гегемон не был способен распространить свое господство на весь евразийский континент. Все государства, участвовавшие в процессе СБСЕ, имели свои собственные стимулы для установления новой модели сотрудничества независимо от существовавших тогда отношений между гегемонами.

Не исключено, что кооперативная структура безопасности будет создана и на Кавказе. С конца 1999 правительства Турции и стран Южного Кавказа выдвигали различные предложения, такие как Пакт стабильности для Кавказа, для обеспечения безопасности в регионе. В своих выступлениях на саммите ОБСЕ в Стамбуле президент Армении Роберт Кочарян и президент Азербайджана Гейдар Алиев высказывались за создание системы безопасности Южного Кавказа, которая дополнила бы собою существующие режимы европейской безопасности^[5]. Кочарян также указал на то, что настоятельная необходимость создания “региональной или субрегиональной системы безопасности”, помимо прочего, обусловлена выходом Азербайджана и Грузии из действующего Договора о коллективной безопасности СНГ^[6]. С точки зрения Армении, такая система была бы полезной для того, чтобы избежать трудного выбора между союзом с Россией и с Западом. С точки зрения Азербайджана, мощь единственного гегемона не является гарантом мира и стабильности в регионе. По словам заместителя министра иностранных дел Азербайджана Араза Азимова, единственной гарантией региональной безопасности может быть отсутствие единого гаранта^[7].

Идея пакта региональной безопасности еще не выдвигалась в законченной форме ни одним из заинтересованных правительств. Ее реализация будет несомненно зависеть от хода переговоров, идущих в регионе, таких как переговоры о политическом статусе Нагорного Карабаха. Разрешение этого конфликта привело бы к драматическим изменениям в отношениях между Арменией и всеми соседними государствами, повысив возможности развертывания в регионе новых кооперативных моделей отношений. То же самое можно было бы сказать, если бы по вопросам Абхазии или Чечни был достигнут прорыв. В данный момент весьма труднопредсказуемой остается оценка шансов на успех в таких переговорах. Дипломаты, занимающиеся переговорами между Арменией и Азербайджаном, на протяжении 1999 г. неоднократно заявляли о достижении перелома на них, однако при этом они не смогли представить общественности ни одного позитивного результата. В случае с Нагорным Карабахом одновременные призывы правительств Азербайджана и Армении к созданию нового режима региональной безопасности показывают, однако, что тупик на переговорах привел к патовой ситуации, наносящей ущерб обеим сторонам. Эти призывы могут рассматриваться как знак того, что обе стороны сознают необходимость в продуктивных переговорах. Они также свидетельствуют о том, что обе стороны конфликта понимают тот факт, что институциональное урегулирование такого рода конфликта, который рассматривается одной из сторон (Арменией) как внутригосударственный, а другой из сторон (Азербайджаном) как межгосударственный, требует того, чтобы эти разногласия были превзойдены при посредстве институционального органа более высокого уровня.

В задачу настоящей статьи не входит определение конкретных механизмов разработки пакта региональной стабильности или организации региональной безопасности. Может быть, достаточно набросать ряд основных принципов, которые способствовали бы их эффективности, учитывая факторы, объясняющие несостоятельность нынешних форм интеграции. Институт региональной безопасности для Кавказа должен основываться на принципах ассоциативных режимов безопасности^[8]. Такая нормативная форма взаимоотношений должна способствовать налаживанию диалога и сотрудничества,

облегчать контакты для предотвращения угроз и транспарентность в вопросах военной политики отдельных государств. Такого рода режим не обязательно должен быть направлен на замену региональных альянсов, а скорее на их интеграцию и сдерживание их дестабилизирующего потенциала. Это можно сделать путем тесного трехстороннего сотрудничества между силами, имеющими гегемонистские амбиции в регионе (Россия, ЕС и США) в деле предоставления таких общественных благ, как техническая помощь, финансовая поддержка, а равно и в содействии - посредством таких организаций по безопасности, как СНГ и ОБСЕ - работе миротворческих сил^[9]. Их сотрудничество было бы основано на том факте, что их основные интересы, хотя они и имеют конкурентный характер, не обязательно расходятся друг с другом. Их неспособность действовать сообща вызвала бы опасность еще более серьезных конфронтаций в регионе, что было бы вредно для всех.

Эта форма интегрирования трех вероятных гегемонов в региональный режим безопасности означает, что существующая система баланса сил, которую следует рассматривать как важное препятствие интеграции, должна быть постепенно трансформирована - благодаря прочности кооперативной структуры безопасности - в систему, в рамках которой альянсы, направленные против той или иной стороны, постепенно отойдут на задний план. То же самое относилось бы и к применению силы или угрозе ее применения, а также к отказу договариваться о таких формах сотрудничества, которые таят риск того, что другая сторона получит от него большую выгоду. Такие организации по безопасности, как Совет Евроатлантического Партнерства НАТО (ЕАПС), самопровозглашенной целью которого является преодоление системы баланса сил времен "холодной войны", но который в настоящее время используется в Кавказском регионе в виде сложной системы для построения альянсов, должны были бы вести деятельность, более соответствующую их политической риторике. Схожая трансформация должна была бы произойти и в СНГ, которое ныне используется в регионе Россией в качестве противовеса западному влиянию, а Грузией для вбивания клина между Москвой и сепаратистским правительством в Сухуми.

Региональная организация или пакт стабильности, которые включали бы в себя страны Южного Кавказа, но не Россию, привели бы к результатам, противоположным тем, что описаны выше: вместо того, чтобы трансформировать существующие региональные организации, освободив их от влияния логики баланса сил, они в этом случае подменили бы неконфронтационную логику пакта стабильности или региональной организации существующей логикой строительства альянсов. Региональная структура безопасности, кроме того, должна была бы, - с тем, чтобы избежать схожих последствий, - включить Иран, который до сих пор не входит в нынешние структуры безопасности, действующие в регионе. После своего неудачного посредничества в нагорно-карабахском конфликте^[10] Иран, благодаря своей открытой поддержке Армении, играл существенную роль в отношениях между Азербайджаном, Арменией и Турцией.

Региональные и внерегиональные игроки наполняли свое отношение к Кавказскому региону различным культурным или даже цивилизационным содержанием.

Региональная структура безопасности, которая основывалась бы на одинаковых ценностях и принципах, как например ОБСЕ, смогла бы преодолеть эти различия, как это уже имело место с самой ОБСЕ. Эта организация включает самые разные страны с весьма несхожими политическими традициями, такие как Дания и Казахстан.

Способность ОБСЕ действовать на основе универсальных ценностей и воплощать их в конкретную политику, как например при наблюдении за выборами, показывает, что избежать риска "столкновения цивилизаций" на Кавказе будет не так уж трудно.

Региональные и внерегиональные игроки придают неодинаковое значение своим военным, политическим или экономическим интересам на Кавказе. Европейский Союз разработал программы помощи в области связи и инфраструктуры. Его долгосрочными целями являются обеспечение энергетической безопасности для расширенного ЕС и

демократизация государственных структур. В том, что касается их военных интересов, страны-участницы ЕС отстаивают весьма различные политические линии. Некоторые активно вовлечены в военное сотрудничество или направляют военных наблюдателей в “горячие точки”, например в Абхазию-[\[11\]](#), тогда как другие полностью отстранились от военного присутствия в регионе. ЕС в настоящее время не играет никакой роли в этом плане. Россия же проявляет большой интерес к военному аспекту национальной безопасности. Такие различия между приоритетами, характерными для различных действующих лиц, не облегчают их сотрудничества. Однако эти различия могут быть преодолены достаточно традиционными методами. Те, кто вел переговоры о функционировании СБСЕ в начале 70-х гг., сталкивались со схожей проблемой. Не все страны-участницы придавали одинаковое значение обеспечению прав человека в качестве параметра европейской безопасности или же международному признанию послевоенных границ. Использование различных “корзин” оказалось весьма полезным для избежания тупика при определении приоритетов и для содействия одновременному прогрессу по различным параметрам безопасности. Такую систему было бы желательно включить в региональную структуру безопасности.

Решение относительно политического статуса сепаратистских регионов неизбежно привело бы к снятию экономической блокады, - что прямо или косвенно затрагивает интересы всех стран региона, - и к заключению соглашений о строительстве новых транспортных магистралей. Институционализация диалога по вопросам безопасности в рамках сотрудничества привела бы к снижению приоритетности безопасности по ряду политических и экономических направлений, в которых фактор безопасности ныне доминирует. Чрезвычайные материальные и политические ресурсы, которые сегодня мобилизуются для укрепления безопасности тех или иных субъектов региона смогли бы тогда использоваться для экономического развития. Отказ от примата безопасности в политической жизни мог бы привести к иной постановке проблем на правительственном уровне, содействуя политической демократизации и модернизации. Отказ от примата безопасности в экономической и политической жизни также укрепил бы позиции негосударственных игроков - таких как хозяйствующие субъекты или НПО с политическими задачами - в интеграционном процессе.

Концепция разделенного суверенитета не нашла понимания среди политических элит Южного Кавказа. Все эти страны опираются на советскую традицию “титовых наций”, пользующихся исключительными привилегиями на определенных полиэтничных территориях. Неудачные попытки бывших автономных республик получить признание своей государственности, а бывших автономных областей - повысить свой политический статус, и отказ бывших союзных республик включить принцип равноправия в тексты соглашений с сепаратистскими республиками завели в тупик переговорный процесс. Конечно, в этих вопросах трудно достичь компромисса в условиях, когда международное сообщество все еще рассматривает суверенитет в качестве краеугольного камня государственной независимости. Предпринимались различные шаги по созданию региональных организаций, которые по первоначальному замыслу должны были включить в себя непризнанные государства и неофициальные движения. Так, абхазские сепаратисты отстаивали необходимость общерегиональных инициатив для Кавказа-[\[12\]](#). Военная поддержка, полученная Абхазией со стороны нерегулярных вооруженных формирований Конфедерации Народов Кавказа в ходе войны 1992-93 гг., была весьма существенной, хотя маловероятно, что военный альянс такого рода может возродиться в будущем. 21 мая 1999 г. парламент Абхазии направил запрос в Парламентскую Ассамблею Российско-Белорусского Союза, предлагая предоставить Абхазии статус наблюдателя, который уже получили Югославия и Армения-[\[13\]](#). Для Абхазии то была еще одна попытка получить определенную форму признания со стороны внешнего мира. Но едва ли подобные инициативы постепенно приведут к полному признанию независимой государственности Абхазии.

Инициативы, в которых могли бы принять участие исключительно непризнанные

государства или движения, имели бы не больше шансов на успех в деле продвижения интеграции, чем региональные организации, в которых были бы представлены только центральные правительства признанных государств. Оба типа организаций исключают кооперативную структуру с участием политических игроков, чьи действия воспринимаются как угроза собственной безопасности. Альтернативой таким попыткам являются организации, в которых различные уровни правительственной власти и типы политических образований имеют полное представительство. Увязка мирного урегулирования с созданием региональной организации такого типа, который в отличие от ОБСЕ и других традиционных форм региональных институтов, включал бы правительства и/или парламенты унитарных государств, правительств федерального уровня и субъектов федерации или других самоуправляемых политических единиц действительно явилась бы выходом из этого тупика.

Не следует считать эту альтернативу утопической. Ведь организациями такого типа являются и Скандинавский Совет, и Британско-Ирландский Совет. Скандинавский Совет был создан в 1952 г. для содействия кооперации между Данией, ее автономными территориями - Фарерскими островами и Гренландией, Финляндией, ее автономными шведоязычными Аландскими островами, Исландией, Норвегией и Швецией-^[14]. Но особый интерес для Кавказа представляет собой устройство Британско-Ирландского Совета (БИС). Эта модель включает важный аспект безопасности, который в значительной степени отсутствует в рамках Скандинавского Совета. БИС был создан на основе т. наз. Соглашений Страстной Пятницы по Северной Ирландии, заключенных в апреле 1998 г.-^[15]. БИС допускает прямую кооперацию между такими единицами, как Шотландия, Северная Ирландия, Уэльс, Нормандские острова, остров Мэн и правительствами Ирландии и Великобритании. Его также называют "Советом островов", причем это название, в отличие от БИС, не ориентировано на государства, но имеет тот недостаток, что оно навеивает воспоминания о британской державе до создания Свободного Ирландского Государства. Включение БИС в Соглашение Страстной Пятницы имело фундаментальное значение для того, чтобы североирландские юнионисты дали согласие на этот документ. Задача БИС состояла в том, чтобы заменить институциональные связи по линии Север-Юг между Северной Ирландией и Ирландской Республикой на связи по линии Восток-Запад между Ирландской Республикой и Соединенным Королевством. Первая сессия БИС состоялась после создания в Северной Ирландии в 1999 г. коалиционного правительства. Все участники БИС могут свободно развивать институциональные связи между собой. БИС выходит за рамки консультаций между партнерами, создавая возможность "совместного принятия решений" по проблемам, представляющим взаимный интерес, будь то экономика, политика или культура.

Отметим, что такой тип института не только расширяет масштабы возможностей для несuverенных политических образований в плане развития их внешнеполитических связей, но и позволяет заявить о себе оппозиционным политическим движениям.-^[16]

Для британских патриотов включение такой формы деволюции в процесс политической модернизации британских государственных институтов представляет собой инструмент обновления и укрепления единства нации. Для шотландских националистов из Шотландской Национальной партии (ШНП), убежденных в том, что независимые нации-государства имеют наилучшие условия для взаимодействия друг с другом, это возможный будущий инструмент развития самостоятельной внешней политики с того момента, когда они войдут в состав шотландского правительства. ШНП стремится развивать "кельтские" связи между Шотландией, Уэльсом и Ирландией. Шотландия и Северная Ирландия могут также налаживать рабочие отношения независимо от Лондона, что будет только приветствоваться ШНП, или от Дублина, что получит поддержку со стороны юнионистов. БИС может открыть простор для сосуществования соперничающих национальных наследий. Ирландские националисты культивируют кельтскую идентичность, разделяемую Шотландией, Уэльсом и Ирландией, тогда как

юнионисты могут стремиться к более тесным культурным и историческим связям с Шотландией (подобным интеллектуальному расцвету в обоих регионах в XVIII в.). Тот факт, что оказалось возможным найти поддержку общего политического института, стимулирующего межправительственный диалог и кооперацию, среди движений, выступающих как за, так и против отделения Шотландии и Северной Ирландии, является хорошим предзнаменованием для Кавказа. Однако многочисленные препятствия, возникающие на пути создания коалиционного правительства в Северной Ирландии и реализации различных параграфов Соглашения Страстной Пятницы, показывают, насколько трудным может оказаться отказ от применения силы в качестве последнего средства даже для стран с укоренившейся демократической культурой.

---

[1]-Я хочу поблагодарить Андрея Белого, Вячеслава Чирикбу, Майкла Эмерсона, Джорджа Хьюитта, Дэвида Тирра, Натали Точки, Роберта М. Катлера, Дж. Пола Гуда, Маартена Тео Янса, Ираклия Лайтадзе, Тамару Ковзиридзе, Нила Мелвина, Ричарда Дж. Рива и Алексея Зверева за их весьма полезные комментарии на эту работу и критические замечания по ней. Более углубленный анализ проблемы кавказской региональной интеграции будет опубликован в 2000 г. в *Journal of Civil Wars*.

[2]-Об идее регионального образования в сфере безопасности см.: Buzan Barry. *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. New York – London: Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 186-229. Применение данного понятия к Кавказу см. в: Коппитерс Бруно. Заключение: Кавказ как комплекс безопасности // Коппитерс Бруно (ред.). *Спорные границы на Кавказе*. М.: Весь Мир, 1996. С. 213-225, а также на сайте в Интернете <http://poli.vub.ac.be/publi/>.

[3]-О концепции примата безопасности см. различные работы авторов копенгагенской школы, таких как Барри Бьюзен, Оле Вевер и Йаап де Вильде, опубликованные в сборнике: *Security. A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner, 1998. О советских традициях подчинения политических вопросов целям безопасности см.: Coppieters Bruno. *Een Overladen Veiligheidsagenda. Een Terugblik op de Ondergang van de Sovjet-Unie en op de Houding van de Vlaamse Vredesbeweging*. Работа готовится к публикации в: *Vlaams Marxistisch Tijdschrift*, весна 2000 г.

[4]-Абхазские ученые утверждали, что статус автономной республики в советском федеративном устройстве должен логически подразумевать суверенитет. В отличие от Татарстана, Абхазия довела требование суверенитета до требования независимости. Независимость Абхазии была объявлена в 1999 г.

[5]-RFE/RL Newslines. Vol. 3. No 227. Part I. 22 November 1999.

[6]-Tadevosian Ara. Armenia's 'Diplomatic Success' at OSCE Summit // IWPR's Caucasus Reporting Service. No 8. 25 November 1999. Сайт в Интернете: http://www.iwpr.net/index.pl5?caucasus_199912.html

[7]-Tadevosian Ara. Armenia Forced to Choose between Washington and Moscow for Friends // IWPR's Caucasus Reporting Service No 12, 23 December 1999. Сайт в Интернете: http://www.iwpr.net/index.pl5?caucasus_199912.html

[8]-О механизмах баланса сил, действующих в кооперативных режимах безопасности, см.: Emmers Ralf. *The Balance of Power Factor in Regimes for Cooperative Security: The Early Days of ASEAN and the ARF* (доклад, представленный на 24-й ежегодной конференции Британской ассоциации международных исследований, состоявшейся в манчестерском конференц-центре 20-22 декабря 1999 г.).

[9]-См.: Celac Sergiu, Emerson Michael, Tocci Nathalie и др. *A Stability Pact for the Caucasus. A consultative document of the CEPS task force for the Caucasus* // CEPS. Working document no 145, May 2000.

[10]-См.: Рамезанзаде Абдолла. Роль Ирана как посредника в нагорно-карабахском кризисе // Коппитерс (ред.), указ. соч. С. 182-198.

[11]-Из 109 военных наблюдателей, находившихся в октябре 1997 г. в составе МООННГ, 40 поступили из стран ЕС. См.: Коппитерс Бруно. Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт // Коппитерс Бруно, Дарчиашвили Давид, Акаба Нателла (ред.). Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М.: Весь Мир, 1999. С. 56.

[12]-Лакоба Станислав. К вопросу о кавказской конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь? // Коппитерс Бруно (ред.), Нодиа Гиа, Анчабадзе Юрий. Грузины и абхазы. Путь к примирению. М.: Весь Мир, 1998. С. 154-164. Электронная версия - на сайте <http://poli.vub.ac.be/publi/>

[13]-Независимая газета, 25 мая 1999 г.

[14]-О Скандинавском Совете как модели британско-ирландских отношений см.: Partridge Simon. Nordic-Style Institutions Recommended for Irish-British islands // Eagle Street. Newsletter of the Finnish Institute in London, January 1998 и многие другие сообщения, опубликованные в том же бюллетене. Данная публикация имеется на сайте Интернета <http://finnish-institute.org.uk/>

[15]-О Британско-Ирландском Совете см.: Bogdanor Vernon. Devolution in the United Kingdom. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 107-108. Сообщение о первой встрече было опубликовано в The Irish Times, 18December 1999. См. также Walker, Graham. The Council of the Isles and the Scotland-Northern Ireland Relationship', in Scottish Affairs, No 27, Spring 1999, pp. 108-123.

[16]-О нижеследующем: там же.